

Взаимоотношения дворянства и власти в екатерининской России в оценках отечественных историков

Светлана Владимировна Юферова,
кандидат исторических наук, г. Владивосток.
E-mail: kidarida@mail.ru

В статье рассматривается один из вопросов историографии внутренней политики Екатерины II, а именно: проблема взаимоотношений носителя верховной власти с дворянством во второй половине XVIII в. В работе ставится задача наряду с выявлением наиболее распространённых в литературе точек зрения определить причины их возникновения.

Ключевые слова: историография, господствующая точка зрения, оппозиция, продворянская политика, сословные интересы.

Relations of Nobility and Sovereign in Catherine's Russia at views of domestic historians.

Svetlana Yuferova, Cand. Sc. (History), Vladivostok.

Historiography of interrelations between Russian nobility and empress Catherine II is dealt with in this issue. Author searches different points of view as well as the reasons of their appearance.

Key words: historiography, dominated point of view, opposition, policy aimed at support interests of nobles.

В современном мире идея гражданского общества находит всё больше новых сторонников. Признавая её значимость, не следует забывать, что на протяжении веков общество и власть сосуществовали вне данной системы координат. Причём отсутствие институтов гражданского общества вовсе не означало, что в стране не было обратной связи между социумом и государством.

В настоящей работе ставится задача рассмотреть основные точки зрения на проблему взаимоотношений власти и дворянства в России во второй половине XVIII в. и выявить причины их формирования.

Вопросам сотрудничества власти с благородным сословием посвящена обширная историография. Исследователей интересовали как ожидания и требования дворянства, степень приятия им планов реформ и преобразований Екатерины II, так и позиция носителя верховной власти во взаимоотношениях с «первым членом общества». Причём обилие работ по данному вопросу вовсе не гарантировало такого же обилия оценок исследуемого явления. По большому счёту, есть лишь три точки зрения на вопрос об отношении дворянства к правительству Екатерины.

Мнение, что одним из последствий пугачёвского бунта стала консолидация дворянства вокруг престола, получило распространение как в дореволюционной, так и в советской историографии [35, с. 495; 37, с. 217], довольно часто оно звучит и сегодня. А.Б. Каменский пишет: «Напуганное пугачёвщиной дворянство сплотилось вокруг трона, как никогда прежде осознало свою зависимость от прочности самодержавной власти, и возможность оппозиции реформам с его стороны стала минимальной» [23, с. 423].

Вопрос же о том, какой (оппозиционной или просто нейтральной) была позиция дворянства до 1775 г., общепринятого решения не имеет. Изучив взгляды историков-евразийцев, М.Г. Вандалковская сделала следующее наблюдение: анализ наказов в Уложенную комиссию позволил Г.В. Вернадскому зафиксировать настроение недовольства дворянства Екатериной после переворота [7, с. 157]. В «Начертании» же учёный признал за пугачёвщиной значение момента «перелома в отношениях правительственной власти и дворянства» [8, с. 247].

Среди современных авторов мнения о стремлении дворянства к политической свободе придерживаются Е.В. Анисимов и О.А. Омельченко [4, с. 176; 47, с. 310]. К их сторонникам следует, вероятно, отнести И.В. Волкову и И.В. Курукина, выдвинувших гипотезу о борьбе абсолютизма, бюрократии и дворянства как причине дворцовых переворотов в России XVIII столетия [12, с. 48].

Существует и другая точка зрения, сторонники которой утверждают, что и до восстания Е.И. Пугачёва дворянство никакой оппозицией трону не являлось: на протяжении всего царствования «за милости Екатерины дворянство щедро платило ей своей поддержкой» [1, с. 147]. Ведь «более всего их интересовали непринципиальные для государя, но чрезвычайно важные для провинциальных дворян вопросы хозяйственного значения. К принципиальнейшим политическим вопросам, высказанным в Наказе самой Екатериной, дворянство в большинстве своём осталось равнодушным» [56, с. 126; 58, с. 190—191].

В дореволюционной российской историографии появился и иной подход к вопросу. По словам анализировавших дворянские наказания в Уложенную комиссию исследователей, дворяне не только требовали льгот и привилегий [16, с. 206; 52, с. 283, 291], но и понимали потребности государства: изживание элементарной неграмотности населения, прекращение массового голода от неурожаев и др. В своих наказах дворяне предлагали пути решения данных проблем. В.И. Семевский, передавая содержание дворянских наказов, обращал внимание на наличие почти в каждом из них требования устройства запасных магазинов [54, с. 236]. Учёные говорили о содержащихся в наказах предложениях расширить сеть школ, которая должна была охватить, согласно некоторым из дворянских наказов, и крепостных крестьян [34, с. 90; 54, с. 243].

В советской историографии подобному подходу не было места. Не то чтобы исследователи не замечали социально значимых предложений дворянских проектов и наказов. Однако в отличие от дореволюционных

российских исследователей, как правило, констатировавших этот факт, в изданиях советской поры акценты расставлялись так, чтобы подчеркнуть стремление господствующего класса свалить решение указанных проблем на плечи государства [59, с. 106; 61, с. 37].

В современной историографии давно известные факты пусть изредка, но получают новую интерпретацию. Вновь обратившись к изучению наказов благородного сословия центра страны в Уложенную комиссию, В. М. Никонова признаёт: «Материалы дворянских наказов развернули перед екатерининским правительством программу, в которой нашлось место и крупным реорганизаторским замыслам, и узкосословным дворянским интересам, и широкому спектру социально-экономических вопросов, и даже культурно-просветительским устремлениям» [46, с. 49].

Вывод о готовности дворянства «споспешествовать» власти подтверждается и наблюдениями учёных, исследовавших эпистолярное наследие отдельных лиц и семей второй половины XVIII столетия. Комментируя письма А. В. Суворова, В. С. Лопатин сравнивает отношение к службе дворянства в годы царствования Екатерины и полвека спустя. Учёный обращает внимание на то, что лирический герой А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» выражает отрицательное отношение просвещённых людей своего времени к казённой службе («Мои желания — покой, да шей горшок, да сам большой»). А вот во времена А. В. Суворова царило иное настроение: «значительная часть дворянства ощущала себя деятельнейшей частью государственной машины России» [33, с. 526]. О том же, только на основе более широкой источниковой базы, пишет Е. Н. Марасинова: сословный интерес в сознании господствующего класса был подчинён государственному [39, с. 74].

Повторимся, данная точка зрения принципиально отличается от господствующей в историографии. Её принятие позволяет увидеть в благородном сословии не хищника, вожделевшего урвать как можно больше от государственного пирога, а трудолюбивого муравья, вместе с носителем верховной власти упорно трудившегося на благо страны.

Казалось бы, такой подход полностью опровергается выводами историков о сословном эгоизме и косности дворянства, проявления которых исследователи фиксировали едва ли не на протяжении всего периода изучения екатерининского царствования. Пожалуй, наиболее ярким примером тому, по мнению учёных, было отношение дворянства к крепостничеству. И в дореволюционной российской, и в советской литературе было распространено мнение, что дворянство смотрело на крепостное право как на сословную привилегию, не связанную ни с какими обязанностями [26, т. V, с. 89; 45, с. 203]. Кроме того, советские учёные отмечали консерватизм устремлений подавляющего большинства господствующего класса [15, с. 39; 50, с. 67]. Охранительная или даже реакционная сущность воззрений идеологов дворянства выявлялась отнюдь не только при разборе предложений по крестьянскому вопросу. Так, анализируя пожелания дворян в сфере судопроизводства, М. Н. Гернет пи-

сал: «Встречались откровенные совсем неприкрытые вожделения поставить себя в исключительное положение» [13, с. 63].

Однако противоречие этих выводов новому подходу лишь внешнее. Отбросив их эмоциональную составляющую, получим достаточно корректное описание действительности: для подавляющего большинства дворянства существовавший в России порядок был привычен и приемлем [31, с. 31]. Служа Отечеству, дворянин способствовал сохранению и укреплению этого порядка, а, следовательно, «сословный эгоизм» и консерватизм благородного сословия были отчасти, так сказать, побочным продуктом их включённости в общественно-политическую жизнь страны.

Таким образом, чаще всего исследователи видели в дворянстве союзника самодержавия. Союз этот представлялся либо вынужденным обстоятельствами, либо предопределённым предшествующим развитием государства. И нечасто учёные определяли эти взаимоотношения как политическое противоборство. Впрочем, даже признавая факт наличия дворянской оппозиции самодержавию, исследователи обычно также указывали, что «сами дворяне в массе были очень далеки от настроений их потомков — декабристов» [13, с. 62]. При этом в литературе указывалось на умение дворянства отстоять свои интересы перед императрицей. Ещё В.В. Каллаш писал: «В редких случаях её ждёт открытый протест; чаще расступается перед ней эта среда, сжимая и охватывая её со всех сторон своим пассивным протестом» [21, с. 474]. Это-то умение и дало В.О. Ключевскому основание для эффективного, но некорректного сравнения: «В XVII в. московское правительство начинает править обществом посредством дворянства, а в XVIII в. это дворянство само пытается править обществом посредством правительства» [26, т. III, с. 9]¹.

Однако отношения благородного сословия с правительством имели двусторонний характер. И исследователи, конечно, не могли оставить без внимания позицию императрицы по вопросу удовлетворения чаяний дворянства. Анализ историографических источников позволяет выделить два направления исследовательского поиска. Одно из них можно условно назвать теоретическим, второе — фактографическим. Однако независимо от того, интересовали ли исследователей принципы социальной политики екатерининского правительства или отдельные указы и проекты реформ того периода, чаще всего учёные приходили к выводу о продворянском характере политики императрицы.

Тезис о неизбежной зависимости от дворянства пришедшей к власти путём дворцового переворота Екатерины утвердился в научной литературе ещё в середине XIX в. «Императрице трудно было вести борьбу с противодействующей ей силой, — писал, например, Г.З. Елисеев. — Самый

¹ Близкую по смыслу оценку роли дворянства дал и А.Б. Каменский, стремясь снять с Екатерины обвинения в продворянской политике: «...реальная власть российского монарха во второй половине XVIII в. действительно была далеко не абсолютной и контролировалась определёнными политическими и социальными силами, действовавшими в интересах дворянства» [22].

переворот, посредством которого она взошла на престол, должен был удерживать её от всяких радикальных реформ, касавшихся существенных интересов сильной партии. Он же заставлял её быть крайне осторожной и крайне уступчивой и в других своих либеральных начинаниях» [17, с. 95].

Настроенные гораздо более критично по отношению к деятельности Екатерины II учёные начала XX в. также видели в перевороте одну из причин продворянского внутривластного курса правительства. Так, В.О. Ключевский указывал на особенности политической акустики первых лет царствования, когда лучше всего императрице был слышен голос дворянской гвардии [26, т. V, с. 34]. С.Ф. Платонов распространил это на всё время правления Екатерины: «...переворот 1741 г. имел следствием национальное направление елизаветинского правительства и улучшение <...> положения дворянства. Таких же следствий в праве мы ожидать и от обстоятельств переворота 1762 г. И действительно, <...> политика Екатерины II была национальной и благоприятной дворянству» [49, с. 684].

В советской историографии оценка политики правительства в целом оставалась прежней, менялись лишь оттенки. По довольно широко распространённому мнению, выбор курса правительственной политики во многом зависел от объективных условий. Царствовавшая в эпоху позднего феодализма Екатерина должна была и в действительности «была последовательной исполнительницей воли российского дворянства» [40, с. 81]. При этом внимание акцентировалось и на сознательности выбора самой императрицы, которая, «...заняв престол при поддержке дворянства, чувствует в нем свою опору» [13, с. 50].

Иногда картина ревностного служения Екатерины господствующему классу расцвечивалась более яркими красками. Например, опираясь на заметки С.Н. Глинки, С.С. Волк создал следующую зарисовку: «Екатерина II действительно пыталась создать Аркадию для помещиков. Заботливо охраняя их диктатуру, она подносила им волшебную рукою золотой сосуд, из которого они пили забвение прошедшего и беспечность о будущем» [11, с. 416]. Причём столь эмоциональная характеристика — отнюдь не плод литературного воображения. Очевидно, авторы подобных филиппик в строго научной работе стремились создать негативный (может быть и комичный) образ императрицы. Такой подход без лишних слов показывал, «от какого наследства» отказывались советские историки. Поэтому полемически заострённые характеристики политики царизма были присущи советской историографии в течение практически всего периода её существования. И в середине 70-х гг. М.Т. Белявский писал о строе «деспотизма и крепостничества, который она олицетворяла, защищала, укрепляла» [5, с. 310].

Возможность высказать иное мнение о степени независимости императрицы в определении курса внутренней политики появилась в годы перестройки. Конечно, и на её излёте подавляющее большинство исследователей видело в деятельности правительства курс абсолютизма на поддержку дворянства в экономической и политической областях [25, с. 188]. А в наиболее консервативной учебной литературе и много позднее можно было

встретить утверждение, что государыня «посвятила себя и свою политику служению интересам этого класса» [18, с. 6]. Вместе с тем ещё в перестроечное время Н.Я. Эйдельман вернулся к мнению о вынужденности мер правительства. Он считал, что Екатерина ясно понимала, что дворяне — «страшная сила, которой можно пользоваться, пока они ею довольны» [62, с. 40].

О зависимости политики Екатерины II от позиции приведшего её к власти дворянства пишут и современные историки. «Потребность самоутверждения в качестве державной императрицы, — отмечает И.И. Лециловская, — при отсутствии всяких династических прав, опасность потери трона из-за неспособности и неготовности дворянства к новациям сводили новаторские замыслы Екатерины к осторожной политике с оглядкой на возвысившую её гвардию» [32, с. 112].

Наряду с возвращением в научный оборот мнения о предопределённости характера политики Екатерины обстоятельствами её восшествия на престол продолжает существовать и точка зрения о закономерности проведения продворянской политики монархом эпохи феодализма. «Правительство России, — пишет А.Л. Рябцев, — вынужденное активно поддерживать дворянство и экономическими, и внутривнутриполитическими мерами, не могло создать благоприятные условия для промышленника и купца» [53, с. 149].

Впрочем, рецидивы появления крайне эмоциональных оценок советской поры случаются теперь нечасто. Как правило, исследователи ограничиваются констатацией факта зависимости политики государыни от интересов господствующего сословия. Например, В.Н. Виноградов признаёт: «Она, конечно же, представляла определённую систему и определённый класс, дворянский, у руководства державой» [10, с. 13].

В литературе существует и другое объяснение сознательной поддержки Екатериной интересов благородного сословия. Поскольку императрица была убеждена в необходимости сохранения самодержавия в России [44, с. 11], она ревниво оберегала существовавший в стране строй. Опорой этого строя было дворянство. Следовательно, «согласно логике, самодержавие должно опираться на дворянство, которому нужно предоставлять всё новые и новые привилегии» [3, с. 330]. Впрочем, в литературе указывалось, что ресурсы подобной политики были ограничены. «Законодательная и практическая деятельность правительства Екатерины II, — пишет, например, А.А. Пушкаренко, — по существу последняя массовая мобилизация ещё неиспользованных резервов крепостничества на дело сохранения феодально-крепостнической системы» [51, с. 61].

Очевидно, постулат о продворянском характере политики правительства России второй половины XVIII в. формулировался учёными независимо от социально-политического строя в нашей стране. В наиболее общей форме он представлен следующим образом: «Отстаивание интересов господствующего класса определяло правительственную политику» [30, с. 70; 48, с. 189]. Такая степень обобщения снимала имеющиеся в литературе разночтения. А они касались не только вопроса о приверженности самой императрицы идее отстаивания дворянских интересов.

Следует обратить внимание на то, что, по мнению некоторых исследователей, сознательное служение императрицы господствующему классу ограничивалось лишь одной определённой сферой её деятельности. «После своего восшествия на престол, — писал, например, Г. В. Вернадский, — Екатерина II прямо приняла под своё покровительство экономические пожелания дворянства» [9, с. 288]. Причём, учёный настаивал на отсутствии общности устремлений абсолютизма и благородного сословия в социальной и политической сферах. Он считал, что все усилия Екатерины были направлены на то, чтобы «не дать развиваться зародышу дворянской конституции», который исследователь увидел в манифесте 18 февраля 1762 г. С этой целью императрица «В противовес политическим вождениям дворян выдвинула интересы городских классов и крестьян» [8, с. 247].

Утверждение о поддержке императрицей экономических пожеланий дворянства можно встретить и в советской литературе. Например, анализируя манифест 17 марта 1775 г., П. И. Ляшенко увидел в нем форму «поощрения, в первую очередь, дворянства, приспособления его помещного хозяйства к новым условиям» [36, с. 411]. Однако замечания подобного рода вовсе не означали, что автор разделяет представления Г. В. Вернадского. Ведь буквально на той же странице можно прочесть следующее: «Правительство Екатерины II, полностью стоявшее на почве дворянских сословных привилегий, не склонно было идти, конечно, на какое-либо ограничение дворянских интересов». Следовательно, в данном случае может идти речь о разделении сфер правительственной деятельности лишь для того, чтобы нагляднее продемонстрировать продворянскую сущность внутренней политики императрицы в целом.

Впрочем, признание того факта, что в России в течение всего XVIII столетия наблюдался рост прав и привилегий благородного сословия, не исключает возможности иного истолкования вопроса о зависимости самодержавия от дворянства. «Верховная власть, — пишет Е. В. Анисимов, — не могла не считаться с первым членом общества, но рука дающая была и весьма тяжёлой для дворянства, когда заходила речь о службе, о сохранении известного социального равновесия, о монополии самодержавия на политическую власть и т.д.» [4, с. 176].

Повторимся, для большинства отечественных историков вопрос о связи политики самодержавия с интересами господствующего класса имел лишь одно решение. Однако было и меньшинство, к которому можно отнести исследователей с различными взглядами на характер правительственной политики. В дореволюционной либеральной историографии долгое время (до исследований А. А. Кизеветтера) преобладало мнение о том, что политика в интересах дворянства стала проводиться Екатериной II только с середины 70-х гг. Так, В. В. Андреев писал: «Царствование Екатерины носит двойной характер. В начале до пугачёвского бунта и до совершеннолетия наследника престола Павла Петровича мы видим в Екатерине умную и образованную женщину на престоле, мечтающую о счастье своих подданных, отзывающуюся на всё живое, ниспровергающую рутину

в науке и в быту народов». И лишь после того, как ей пришлось выдержать борьбу на два фронта: против народных масс, поднятых манифестами и успехами мнимого Петра Фёдоровича, и против петербургской аристократии, поднимавшей вопрос о ревизии результатов переворота, «императрица группирует около себя одно сословие — дворянство» [2, с. 192]. Подчеркнём, речь идёт о целенаправленной политике Екатерины.

Сторонники данной точки зрения к числу правительственных мероприятий, служивших доказательством продворянской политики императрицы, относили губернскую реформу, издание Жалованной грамоты дворянству, отказ от обнародования готовой грамоты сельским обывателям. В основном на эти же факты опирается и автор другой, прямо противоположной гипотезы. В получившей широкую известность «Социальной истории России» Б.Н. Миронов утверждает: «После того, как Екатерина II укрепила своё положение, она попыталась очень дипломатично ослабить свою зависимость от дворянства с помощью реформ управления, сословной реформы» [43, с. 136].

Следует отметить, что в более поздней работе Б.Н. Миронов вернулся к господствующей в отечественной историографии точке зрения. На основе данных о росте рекрутов автор пришёл к выводу: «... при Елизавете и, в особенности, при Екатерине II все издержки были переложены на плечи народа. Его интересы были принесены в жертву дворянской элите, которая присвоила результаты экономического роста и модернизации» [41, с. 30]. Ещё лет пятнадцать—двадцать назад безапелляционность высказанного мнения никого бы не удивила. Но в работе советского времени внимание к нуждам социальной опоры режима автор ставил на последнее место в ряду забот императрицы [42, с. 104]. И поэтому поражает не вывод, а резкость его изложения при том, что аргументация автора не лишена внутренних противоречий².

Думается, незачем оспаривать давно утвердившееся в историографии мнение о нарастании помещичьей эксплуатации крепостных [27, с. 76; 55, с. 204]. А вот вопрос, насколько этому способствовало правительство, на наш взгляд, остаётся открытым.

Убеждённость в бездействии правительства, не замечавшего роста эксплуатации крепостных со стороны их владельцев, пережила революцию и перестройку. В то же время анализ хрестоматийно известных фактов мог бы снять с Екатерины обвинения в намеренной уступке дворянству части государственных доходов. Хорошо известно, например, что императрица не удовлетворила ни требования некоторых дворянских наказов об освобождении крепостных от государственных повинностей [60, с. 514], ни просьбы казённых крестьян, в свою очередь, желавших уменьшить тяжесть податного бремени [20, с. 397; 48, с. 126].

² Автор одновременно настаивает на мысли о почти непрерывном росте помещичьей эксплуатации крепостных и убеждает читателя в том, что их статус был выше, чем у менее обременённых государственных и удельных [41, с. 26, 28].

Можно также вспомнить, что ещё В. И. Семевский приравнивал оброк к арендной плате, вносимой крестьянами за пользование казёнными землями [54, с. 56]. Было бы не лишним сопоставить полученные антропометрическим путём выводы со статистическими данными, объяснив, например, факт укрупнения дворности и населённости северных деревень со второй половины XVIII в. [28, с. 124].

Кроме того, факту опережающего роста помещичьей эксплуатации по сравнению с государственной в историографии существует не только социально-политическое, но и экономическое объяснение. Так, Л. В. Иванова считает: «...по мере увеличения государственных налогов и повинностей (пик которых пришёлся на первую половину XVIII в.) снижалась доля земельной ренты, которая шла помещику. Дворяне были вынуждены развивать своё усадебное хозяйство» [19, с. 649].

В исследованиях последних лет вопрос о характере правительственной политики иногда решается по-новому: «Екатерина менее всего заботилась об интересах того или иного сословия, но радела об интересах государства в целом, как она их понимала» [24, с. 240]. А в данной системе координат политика правительства по отношению к дворянству видится уже по-другому. Например, по мнению О. А. Котовой, убеждённая в необходимости приоритетного развития аграрного сектора экономики Екатерина переключилась на поддержку помещичьего хозяйства только после неудачи с колонистами [29, с. 87].

Совершенно новое решение вопроса об отношении императрицы к благородному сословию предложила Т. С. Мамсик. По её мнению, современная политическая жизнь европейских стран преподала Екатерине II два урока ошибочной внутренней политики. Одним из таких уроков был польский. Пример Речи Посполитой показал, что «при отсутствии сильной верховной власти дворянство предпочтёт корпоративные интересы национальным». Урок был усвоен. Не позволяя России повторить ошибок соседа, императрица выстраивала новую властную вертикаль. При этом ей приходилось играть роль дворянского монарха. Ведь реальной социальной опорой её режима могли стать только широкие массы непривилегированных слоёв населения. Дворянству же в структуре этого общества отводилась роль источника пополнения бюрократии и интеллигенции [38, с. 18].

Подводя итоги изучения вопроса взаимоотношений екатерининского правительства и дворянства, следует признать факт преемственности оценок в трудах исследователей разных периодов отечественной науки. Эта преемственность в начале прошлого столетия объяснялась одинаковым неприятием самодержавия и сословного строя либеральной и красной профессурой; в его конце — конверсией советской научной школы в современную российскую.

Разумеется, существовали и значительные различия. Выводы дореволюционных российских историков, как правило, базировались на анализе широкой источниковой базы. В советской историографии источники были поделены на «наши» и «не наши» [57, с. 5]. Причём, даже значение

первых оказалось преуменьшенным. Роль фундамента играла теория исторического материализма. Согласно этой теории, политика абсолютных монархов априори признавалась продворянской. Логическим следствием этого признания было выявление продворянских черт в каждом из мероприятий самодержцев. В этих условиях сама возможность альтернативного истолкования хорошо известных фактов просто не рассматривалась. Наоборот, в работах советского периода сознательное проведение Екатериной II «открытой дворянской диктатуры» даже подчёркивалось параллельным признанием «известной» самостоятельности верховной власти в определении курса внутренней политики [6, с. 93; 14, с. 43].

Возможность совершенно по-новому увидеть проблему появилась лишь в последние десятилетия. И дело здесь отнюдь не только в отмирании идеологических и цензурных ограничений. К рубежу нынешнего столетия история России второй половины XVIII в. была извлечена из «научной полутьмы». Исследователи последней трети XIX в. осветили проблемы государственного устройства. В начале прошлого века исследовательский интерес стал смещаться к изучению различных аспектов хозяйственного развития страны. Приоритетными для советских историков были проблемы классовой борьбы и генезиса капитализма. За рубежом в XX в. в теоретическом и практическом разрезе углублённо изучались проблемы становления гражданского общества и правового государства. Накопленные знания могут быть использованы для создания новой модели истолкования как политики императрицы Екатерины в целом, так и отдельных её аспектов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. 271 с.
2. Андреев В.В. Представители власти в России после Петра I. Минск: Межиздат. фотоцентр, 1990. 427 с.
3. Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. СПб.: Норинт, 1998. 416 с.
4. Анисимов Е.В. Реформы Екатерины II // Власть и реформы: От самодержавия к советской России / отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 164—190.
5. Белявский М.Т. Заметки А.С. Пушкина по русской истории XVIII в. // История и историки: Историографический ежегодник 1974 / под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1976. С. 302—311.
6. Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачёва. Формирование антикрепостнической мысли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 382 с.
7. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции. Евразийский соблазн. М.: Памятники ист. мысли, 1997. 350 с.
8. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000. 318 с.
9. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2001. 567 с.
10. Виноградов В.Н. Трудная судьба Екатерины II в историографии // Век Екатерины II: Россия и Балканы / под ред. И.И. Лещиловской. М.: Наука, 1998. С. 5—22.
11. Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 461 с.

12. Волкова И.В., Курукин И.В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII—XX вв. // *Вопр. истории*. 1995. № 5—6. С. 40—60.
13. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1. М.: Госюриздат, 1960. 384 с.
14. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России XVIII в. М.: Наука, 1984.
15. Гросул В.Я. Истоки трёх русских революций // *Отечественная история*. 1997. № 6. С. 34—54.
16. Дьяконов М. Дворянство // *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона: репринт. воспроизведение*. Т. 19. Ярославль: Терра, 1991. С. 203—218.
17. Елисеев Г.З. Наказ императрицы Екатерины о сочинении проекта нового Уложения // *Отечественные записки*. 1868. Т. 176. С. 77—121.
18. Заичкин И.А., Почкаев И.А. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1993. 765 с.
19. Иванова Л.В. Заключение // *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVII—XX вв.* / отв. ред. Л.В. Иванова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 648—658.
20. История СССР с древнейших времён до 1861 г.: учебник для студентов ист. фак. пед. вузов. Изд. пятое, перераб. / под ред. П.П. Епифанова, В.В. Мавродина. М.: Просвещение, 1983. 576 с.
21. Каллаш В.В. Императрица Екатерина II: опыт характеристики // *Три века. Россия от Смуты до нашего времени* / под ред. В.В. Каллаша. Т. 3—4. М.: ГИС, 1992. С. 463—487.
22. Каменский А.Б. Ещё раз о Екатерине II и крепостничестве (из опыта изживания марксистской историографии) // *Материалы междунар. конф. «Екатерина Великая: эпоха российской истории в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729—1796)»: к 275-летию Академии наук Санкт-Петербурга, 26—29 августа 1996 г.* [Электронный ресурс.] URL: <http://ekaterina2.com/konf/konf.shtml> (дата обращения 3.03.2014).
23. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001.
24. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке : традиции и модернизация М.: Новое лит. обозрение, 1999.
25. Кислягина Л.Г. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // *Государственные учреждения России в XVI—XVIII вв.* / под ред. Н.Б. Голиковой. М.: МГУ, 1991. С. 174—188.
26. Ключевский В.О. Курс русской истории // *Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т.* М.: Мысль, 1987—1989.
27. Коган Э.С. Очерки истории крепостного хозяйства: (по материалам вотчин Куракиных второй половины XVIII в.). М.: Сов. Россия, 1960. 128 с.
28. Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда: Сев.-зап. кн. изд-во, 1976. 416 с.
29. Котова О.А. Государственная деятельность Екатерины II: дис. ... канд. ист. наук / МПГУ. М., 2000.
30. Курмачёва М.Д. Крепостная интеллигенция России, вторая половина XVIII — начало XIX в. М.: Наука, 1983. 359 с.
31. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 65 с.
32. Лещиловская И.И. Екатерина II в сознании сербов-современников // *Век Екатерины II*. М.: Наука, 1998. С. 107—122.
33. Лопатин В.С. Примечания // *А.В. Суворов: письма* / сост. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1987. С. 480—792.
34. Любавский М.К. История царствования Екатерины II. СПб.: Лань, 2001. 254 с.
35. Любавский М.К. Русская история XVII—XVIII вв. СПб.: Лань, 2002. 576 с.
36. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1952. 656 с.

37. Макогоненко Г.П. Радищев и его время. М.: Госполитиздат, 1956. 774 с.
38. Мамсик Т.С. «Русский проект» Екатерины Великой: государство как федерация самоуправляющихся общин. Из авторских гипотез // Местное самоуправление в истории Сибири XIX—XX веков : сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 15—26.
39. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в.: (по материалам переписки). М.: РОССПЭН, 1999. 299 с.
40. Меерович Г.И., Буданов Ф.В. Суворов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1978. 304 с.
41. Миронов Б.Н. Антропометрический подход к изучению благосостояния России XVIII в. // Отечественная история. 2004. № 6. С. 17—30.
42. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981. 259 с.
43. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 568 с.
44. Наказ е.и.в. Екатерины II самодержицы всероссийской, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.: Тип. Л.Ф. Плетнёва, 1893. 54, 201 с.
45. Недосекин В.И. Об изучении наказов в законодательную комиссию 1767 г. // Источниковедение отечественной истории. 1979 / гл. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1980. С. 192—205.
46. Никонова В.М. Контент-анализ при изучении дворянских наказов в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. // (Вестн. МГУ. Серия 8. История). 1991. № 2. С. 49—61.
47. Омельченко О.А. Законная монархия Екатерины II. Просвещённый абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.
48. Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 1999. 495 с.
49. Платонов С.Ф. Курс лекций по русской истории. Петрозаводск: Изд-во АО Фолиум, 1995. 838 с.
50. Посконин В.В. Политико-правовое содержание Наказа Екатерины II // Актуальные вопросы истории политических и правовых учений / отв. ред. Э.Л. Розин. М.: ВЮЗИ, 1987. С. 66—78.
51. Пушкаренко А.А. Введение // Российское законодательство X—XX веков / под ред. О.И. Чистякова. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1987. С. 61—62.
52. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России XVII—XIX вв. Т. 1. СПб.: Тип. Н.А. Александрова, 1912. 728 с.
53. Рябцев А.Л. Особенности импортной и транзитной торговли России через Астрахань в XVIII веке // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 144—149.
54. Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. 1. СПб.: Тип. Ф.С. Сушевского, 1881. LIII, 569 с.
55. Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 328 с.
56. Сорокин Ю.А. Российский абсолютизм последней трети XVIII в. Омск: Омск. госуниверситет, 1999. 322 с.
57. Томсинский С.Г. Проблемы источниковедения // Тр. ИАИ. Т. IX. Сб. 1. М.; Л.: Журнально-газетное объединение, 1932. С. 5—22.
58. Троицкий С.М. Комиссия о вольности дворянства 1763 г.: к вопросу о борьбе дворянства с абсолютизмом за свои сословные права // Троицкий С.М. Россия в XVIII в. М.: Наука, 1982. С. 140—192.
59. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.: Наука, 1966. 275 с.
60. Уланов В.Я. Наказ и «Комиссия о сочинении проекта нового Уложения» // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 4. М., 1992. С. 501—521.
61. Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 260 с.
62. Эйдельман Н.Я. Мгновение славы настает: год 1789-й. Л.: Лениздат, 1989. 300 с.